

Н.Н. Шпанов

Ученик чародея

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Н11

Н11 **Н.Н. Шпанов**
Ученик чародея / Н.Н. Шпанов – М.: Книга по Требованию, 2024. – 346 с.

ISBN 978-5-458-04210-9

Николай Николаевич Шпанов - русский советский писатель, сценарист. Печататься начал с 1926 г. Был редактором журналов «Вестник воздушного флота», «Самолёт» и др. Член Союза Советских писателей с 1939 г., Николай Шпанов автор свыше тридцати книг, из которых были наиболее известны «Первый удар», «Поджигатели», «Война невидимок», "Ученик чародея". Писатель также создал первый в советской литературе образ сыщика сквозного героя нескольких произведений Нила Кручинина («Похождения Нила Кручинина»)

ISBN 978-5-458-04210-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка.
«Книга по Требованию», 2024
© Н.Н. Шпанов, 2024

Николай Николаевич Шпанов

УЧЕНИК ЧАРОДЕЯ

Нил Платонович Кручинин не принадлежал к числу людей, которые легко поддаются настроениям. Но невниманье, проявленное Грачиком, все же привело его в состояние нервозности, которую он и пытался сейчас подавить, прогуливаясь по платформе Курского вокзала. Не слишком-то приятно: молодой человек, воспитанию которого ты отдал столько сил и представлявшийся тебе ни больше, ни меньше как продолжением в будущее собственного кручининского «я», не приехал ни вчера вечером, чтобы посумерничать в последний день перед расставанием, ни сегодня утром! «Уехал за город» — этот ответ работницы не удовлетворил Кручинина. Разумеется, дача в июне — это законно, но Грачик мог бы посидеть и в городе, зная, что предстоит отъезд старого друга и немного больше, чем просто учителя.

Кручинин прохаживался вдоль поезда, стараясь не глядеть на вокзальные часы. Но часы словно сами становились на его пути: то и дело их стрелки оказывались перед глазами. До отхода поезда оставалось пятнадцать минут, когда Кручинин решил войти в вагон.

Именно тут-то запыхавшийся Грачик и схватил его за рукав:

— Нил Платонович, дорогой, пробовал звонить вам с аэродрома — уже не застал. Боялся, не успею и сюда.

— С аэродрома? — переспросил Кручинин.

— Вчера, едва я вам позвонил, — вызывают. — Грачик отёр вспотевший лоб и отвёл Кручинина в сторону. — На аэродроме происшествие: самолёт из Риги, посадка, одну пассажирку не могут разбудить. Тяжёлое отравление. Летела из Риги. Никаких документов и её никто не встречает.

— Смерть? — заинтересовался Кручинин.

— Слабые признаки жизни...

— Позволь, позволь, — перебил Кручинин. — В бортовой ведомости имеются же имена всех пассажиров.

— Разумеется, запись: Зита Дробнис. Пока врачи делают промывание желудка, успеваю навести справку в Риге: Зита Дробнис не прописана. Заказываю справку по районам Латвии. Но тут под подкладкой жакетика обнаруживаю провалившийся в дырявый карман обрывок телеграммы из Сочи. «Крепко целуем встречаем Адлере». Подпись «Люка», И ещё...

— Телеграмма Зите Дробнис? — спросил Кручинин.

— В том-то и дело, что адреса нет — верхняя часть бланка оторвана. Но это неважно. Прошу сочинцев дать справку по служебным отметкам: номер и прочее. Узнаю: обратный адрес найден на бланке отправления в Сочи. Уточняем: отправительница — дочь известного ленинградского писателя отдыхает в Сочи и действительно ждёт гостью из Риги. Но ожидаемую гостью зовут вовсе не Зита Дробнис, а Ванда Твардовская. Повторяю запрос в Ригу. Твардовская там оказывается. Даже две: мать и дочь. Дочь по показанию соседей сутки как исчезла. Мать в тот же день уехала, не сказав куда. Предлагаю организовать розыск. Ясно, что имею дело с отравлением Ванды Твардовской — дочери. Фальсификация имени в бортовой записи наводит на подозрение. Заключение лаборатории НТО — яд, у нас мало известный: «Сульфат таллия».

— Да, да, — живо подхватил Кручинин: — сульфат таллия очень устойчив в организме. Эксгумация через четыре года позволяет установить его присутствие в тканях трупа. Яд без цвета, запаха, вкуса, не окрашивает пищу. Продолжительность действия определяется дозой: от суток до месяца. Сульфат таллия был довольно распространён за границей в качестве средства борьбы с грызунами. Поэтому там его легко было достать. У нас не применялся. Отсюда — первый вывод: яд может быть иностранного происхождения.

— Но в Риге он мог сохраниться со времён буржуазной республики, — возразил Грачик.

— Ты прав, — согласился Кручинин. — Возможно... Дальше?.. Остаётся девять минут до отхода поезда. Нужно решать: брать мои вещи из вагона?

— Зачем? — насторожился Грачик. — Вам необходимо ехать. Я справлюсь. Но позвольте сначала...

— Нахал ты, Грач! — добродушно воскликнул повеселевший уже Кручинин. — Откуда столько самоуверенности?.. Однако к делу! Симптомы отравления сульфатом таллия: боль в горле, покалывание в ступнях и в кистях рук; расстройство желудка, выпадение волос. Впрочем, это уже на затяжных стадиях. Совпадает?

— Что тут можно сказать: ведь отравленная — без сознания.

— Да, чёрт возьми! Её не спросишь, — разочарованно сказал Кручинин. — Исход может оказаться и смертельным. — И вдруг спохватился: — Эта телеграмма из Сочи — единственное, что при ней было?

— Нет...

— Так что же ты молчишь?..

— Вы же сами не даёте мне договорить... В самолёте оказалась вторая отравленная — соседка Твардовской по кабине. Москвичка. Её состояние много легче. Показала: Твардовская угостила её, свою случайную спутницу (они познакомились уже в самолёте), частью своего бутерброда и дала отпить чая, который был у неё в термосе. Бутерброд, по-видимому, съеден весь, а в термосе осталось несколько капель чая. В них нашёлся яд.

— Ну, что же, — проговорил Кручинин. — Яд в термосе, который был залит дома или в каком-нибудь буфете. Скорее всего, в ресторане рижского аэропорта. Держись за эту ниточку. Она куда-нибудь да приведёт. — Он покрутил между пальцами кончик бородки. — Но странная идея для самоубийцы: прихватить на тот свет случайную попутчицу... Или Ванда — убийца соседки, а сама глотнула яд случайно, а?

— Исключено, — уверенно возразил Грачик. — Они не только не были знакомы, но никогда в жизни не встречались.

— Положим, это ещё не доказательство!.. Однако, действительно, трудно допустить: дать жертве немножко яда, а самой выпить целый термос... Интересно: дело о самоубийстве девицы, желающей умереть в компании. Стоит мне застрять тут, а?.. Старость-то, брат, — не радость: начинаю чувствовать, что и у меня есть скелет и положенные ему по штату суставы.

— Поезжайте на здоровье, — настойчиво повторил Грачик. Ему не хотелось, чтобы Кручинин остался. — Лечитесь, отдыхайте.

— Небось, разберёшься?! — с оттенком некоторой иронии проговорил Кручинин. — Ах, Грач, Грач! — Кручинин понял, что его молодому другу хочется

провести дело без помощи, и покачал головой. — Только не забудь: за такого рода делом может оказаться и рука тех, оттуда. Но... — Кручинин предостерегающе поднял палец, — не нужно и предвзятости.

— Не посраим вашей школы, учитель джан! — весело отозвался Грачик.

— Нравится тебе или нет, а, видно, придётся отправиться в Прибалтику раньше намеченного отпуска.

— Не беда, там и останусь отдыхать. Побольше покупаюсь в ожидании вашего приезда, — и, заглядывая в глаза Кручинину, просительно: — А вашу «Победу» можно взять? Когда приедете с юга, покатаемся по Прибалтике, как задумали.

— Ежели дело тебя не задержит.

— Этого не случится, — беспечно отозвался Грачик, — хотя порой затяжные дела вырастают на пустом месте. Произошло ограбление или даже убийство, — кажется, просто: нашли нарушителя, изобличили, осудили и дело с концом. А глядишь, дело-то ещё только началось — и растёт, растёт, как лавина. Даже страшно подчас становится.

— А ты не бойся, Грач, — добродушно усмехнулся Кручинин лавина опасная штука, слов нет, но... не так страшен черт...

— Это конечно... — живо согласился Грачик. — Вот, знаете, у нас в горах, в Армении, так бывает: начинается пустяковый обвал. Ну просто так, ком снега, честное слово! Катится с горы, катится и, глядишь, — уже не ком, а целая гора. Честное слово, дорогой, настоящая гора летит. Так и кажется: ещё несколько минут, и — конец всему, что есть внизу, у подножия гор. Будь то стада — не станет стад; селение — не будет селения. Лавина!.. Само слово-то какое: лавина! Будь внизу город — сплющит, раздавит! Просто — конец мира!.. Но вот стоит на пути лавины скала — так, обыкновенная скала, даже не очень большая. А глядишь, дошла до неё лавина, ударилась, задержалась, словно задумалась, и... рассыпалась. Только туман вокруг поднялся такой, что света божьего не видать. Тоже вроде светопрествления... Что вы смеётесь? Честное слово! А прошло несколько минут, и смотрите: ни лавины, ни тумана — только на долину снег посыпался и растаял на солнце. Вроде росы. Люди радуются, стада радуются, цветут селения под горой...

Кручинин положил руку на плечо друга.

— Это ты мне притчу, что ли, рассказываешь?

— Правильно вы сказали, дорогой, у меня вроде притчи получилось: ком снега — это они. Катятся с грохотом, с шумом — конец мира. А вот стоит на их пути скала...

— Скала — это ты, что ли?

— Все мы, а я — маленький камешек.

— Не шибко видный из себя? — подмигнув, спросил Кручинин.

Грачик потрогал пальцем свои щегольски подстриженные чёрные усики и рассмеялся.

— Я только говорю: грохот, шум, страху — на весь мир. А один, только один крепкий камень на пути и — туман!..

— Надеюсь, — со смехом подхватил Кручинин, — в июне лавин не бывает, а?

— Конечно... июньское солнце на Кавказе — ого!.. Неудачное время для отдыха выбрали.

— Лучше солнце в июне, чем толпы курортников в августе.

— Вы становитесь нелюдимым?

— Пока нет, но в дороге и на курорте предпочитаю малолюдство. Особенно перед тем, что мне, кажется, предстоит...

Грачик наострил было уши, но Кручинин умолк не договорив. Он так и не сказал молодому другу о том, что получил предложение вернуться на службу. Назначение в следственный отдел союзной прокуратуры манило его интересной работой, но хотелось сначала отдохнуть и набраться сил. Грачику он сказал с самым незначительным видом:

— Однако пора прощаться, вон паровоз дал свисток.

Они крепко расцеловались, и Кручинин на ходу вскочил на подножку вагона.

Грачик глядел на милое лицо друга, в его добрые голубые глаза, на сильно поседевшую уже бородку над небрежно повязанным галстуком и на тонкую руку с такими длинными-длинными нервными пальцами, дружески махавшую ему на прощанье.

Кажется, в первый раз с начала их дружбы они ехали в разные стороны.

Грачик зашагал прочь от грохотававших мимо него вагонов.

Сегодня и ему предстояло покинуть Москву. Но путь его самолёта лежал на север, в Ригу, по следам Ванды Твардовской, по следам нескольких капель чая, содержащих признаки сульфата таллия...

...И ВОТ ЧТО ВЫШЛО ИЗ ЭТОЙ ПОЕЗДКИ

ПРОКУРАТУРА

НАРОДНЫЙ СЛЕДОВАТЕЛЬ

Латвийской ССР

ДЕЛО № 13/c

По обвинению

Диверсионной группы

„ДТ 1“

по ст. 58^а, 58^б, 59^а и 136 Уголовного кодекса

НАЧАТО 20 мая 1955 г.

ЗАКОНЧЕНО 18 ноября 1955 г.

Том № 1--12

На 2842 листах

Часть первая

1. Ночь на Ивана Купала

Несмотря на обычную дождливость июня в этих краях, на этот раз погода была на стороне гуляющих. Лодки одна за другой отваливали от освещённого берега маленького заводского сада. Стоило гребцам сделать несколько ударов вёслами — и суда исчезали в темноте. Они без шума скользили по чёрной, гладкой до маслянистости поверхности Лиелупе. Лодка удалялась от берега, и на ней возникала песня. Молодые голоса славили лето, славили народный праздник Лиго, прошедший до социализма от языческих времён, сквозь тысячелетия христианства, сквозь века неметчины, — праздник, ставший просто радостным зрелищем, с цветами, с песнями, с прогулками по реке и с прыжками через костры. Цветы и огонь были приметами этой ночи. Цветы, огонь и песни.

Из полосы света, отбрасываемой яркими электрическими шарами с пристани, ускользнула и лодка, в которой, среди других, были Эджин Круминьш и Карлис Силс, недавно появившиеся среди заводской молодёжи. Оба сидели на вёслах. Но когда лодка удалилась от берега, Круминьш положил весла и повернулся к Мартыну Залиню. Залинь был парень огромного роста и, что называется, косая сажень в плечах. Его маленькая голова, остриженная бобриком, казалась ещё меньше на этом большом тяжёлом теле, занимавшем всю лавку на корме между девушками.

— Передай мне аккордеон, — сказал Круминьш Мартыну.

Получив инструмент, он заиграл. Одна из девушек запела:

Циткарт, циткарт,
Ка яуна бию,
Зедню, на розе,
Ка магониня;
Стайгаю пуоигиус, бракведама,
Ка лацитс аузиняс брауцидамс...¹

Но другая девушка остановила её:

— Перестань, Луиза!.. Что ты затянула какую-то древность, будто действительно стала старушкой... Если уж вспоминать старинные песни... Эджин, сыграй так, — и, пристукивая ногой, подсказала Круминьшу несколько незамысловатых тактов. Тот растянул свой аккордеон. Девушка весело запела:

Кае пуйсити виру Сауце?
Писитс мейту смейейиньш,
Кас азити лопу сауце?
Азитс карклу граузейиньш...²

Она со смехом оборвала пение и крикнула:

— Пусть-ка Эджин и Карлис споют что-нибудь из того, что пели там, у себя!.. — На словах «у себя» она сделала особенное ударение.

— Послушай, Ирма, — возмутилась Луиза, — почему ты сказала это так, словно «у себя» они были именно там, а не тут, с нами.

— Ты думаешь, что я не должна так говорить?.. Но ты же поняла меня.

— Я-то поняла, но мне кажется, неправильно так говорить о наших ребятах.

— Хм... — иронически пробормотала Ирма. — Наши ребята!.. Кстати, Карлис: почему вы очутились именно тут, на нашем комбинате?

— Мне кажется... — несколько смущаясь, начал было Силс, но Луиза снова сердито крикнула Ирме:

— А почему ты об этом спрашиваешь? Что ты за контролёр, какое тебе дело?

— Помолчи, Луиза, я ведь не тебя спросила, а Карлиса.

— Все равно, ты не имеешь права...

— Почему же, — с усмешкой вмешался Круминьш, — почему Ирме и не спросить, если ей это интересно?.. Мне кажется, что власти определили нас сюда потому, что мы знаем своё дело.

— Ты-то бумажник, а Карлис?.. Он всего только монтер. Почему же вы оба здесь, вместе? — настаивала Ирма, и в голосе её звучала неприязнь, все больше раздражавшая Луизу.

— Мы друзья, мы всегда были вместе, и мне кажется... — негромко начал опять Круминьш.

— Все-таки тебе кажется... а мне вот кажется... — Ирма вдруг умолкла и после паузы иронически повторила: — Подумаешь, друзья!

Молодые люди переглянулись, и Круминьш пожал плечами.

— Не обращайтесь на неё внимания, — сказала Луиза. — Ирма, отстань!

Но та упрямо продолжала:

— Оба вы работаете у сетки?

Вместо ответа Круминьш бросил на Ирму сердитый взгляд. При свете спички, от которой он прикуривал, было видно, как сошлись его брови.

Он взялся за аккордеон и снова заиграл, но вовсе не то, о чём просила Ирма. Луиза поняла желание Круминьша петь именно то, что поют здесь, а не там, откуда он и Силс не так давно пришли. Луиза запела, но Ирма все не унималась и мешала ей. Круминьш отложил аккордеон и вернулся к вёслам. Однако было заметно, что ему не хочется грести. Только мало-помалу дурное настроение разошлось. Круминьш опять принялся шутить и смеяться, как шутил с самого начала, когда они готовили лодку, укладывали в неё палатку и продукты, со смехом и спорами выбирали места. По всему было видно, что Круминьш — весельчак и душа этой компании.

Сильными ударами весел Круминьш и Силс дружно погнали лодку на середину реки, в самую быстрину. И тут Круминьш снова оставил весла и, пробравшись на нос, стал с чем-то возиться, чего не было видно с кормы. Вот он чиркнул спичкой. Блеснул огонёк, разгорелся, вспыхнул листок бумаги, ветка, и через минуту костёр, сложенный из сухой коры и ветвей, ярко пылал на носу лодки. Лёгкий ветерок сдувал в сторону пламя, но Силс изменил направление лодки, и пламя стало почти вертикально.

Как только с других лодок увидели этот костёр посреди реки, со всех сторон послышался плеск весел, раздались весёлые крики. Лодки стекались к костру, как к центру, и закружились вокруг него в широком хороводе.

— Теперь нужно прыгать через этот костёр, — сказала Ирма. — Кто первый?

— Перестань! — оборвала её Луиза. — Доедем до берега, там и будем прыгать.

— Я хочу здесь! — не унималась Ирма.

— Сама и прыгай!

— Пусть начинают они, — Ирма указала на Круминьша и Силса.

Силс насмешливо вздёрнул крепкий подбородок. Он был рассудительный парень и понимал: на лодке никто через костёр не прыгает. Ведь и прыгать некуда, кроме воды. Ирма, разумеется, только шутит.

А Круминьш сказал Ирме:

— На берегу я разведу специально для тебя такой костёр, что ты опалишь себе юбку.

— Трус! — с пренебрежением проговорила Ирма.

В ярких отблесках костра было хорошо видно лицо Круминьша, когда он повернулся к девушкам. Оно казалось совсем красным, и его волосы из русых стали ярко-рыжими.

— Ой, Эджин, какой ты страшный! — вскрикнула Ирма. — Такими рисуют разбойников! А в общем трусишки!

— Разумеется, мы трусы, — шутливо согласился Силс. — Самые настоящие трусы.

При этих словах Круминьш повернулся к корме. Лицо его стало ещё красней, и волосы запылали, как второй костёр. Ни слова не говоря, он нагнулся и быстро расшнуровал ботинки. Одним движением сбросил пиджак. Увидев это, Луиза испуганно вскрикнула и сделала было порывистое движение, намереваясь удержать Круминьша. Но сидевший рядом с нею Мартын схватил её руку так крепко, что Луиза охнула и послушно опустилась обратно на лавку. Между тем Круминьш был уже на носовой банке и, оттолкнувшись, перескочил через нос лодки, где пылал костёр. Толчок был так силен, что лодка только-только не зачерпнула воды. На этот раз и Ирма вскрикнула от испуга.

С нескольких лодок, откуда видели прыжок, раздались рукоплескания. Гармоника заиграла марш. Крики, подхваченная кем-то песня и громкий смех — все смешалось в нестройный хор. За ним не было слышно, как перепуганная Луиза умоляла Мартына спасти Круминьша. А Мартын только глядел на неё исподлобья своими маленькими глазками и смеялся.

Силс бросил весла. Не отрывая глаз от поверхности воды, он торопливо расшнуровывал ботинки. Но вот после длительного нырка показалась голова Круминьша. Он был уже далеко от лодки и сильными взмахами плыл к берегу.

Силс подогнал к нему лодку.

— Влезай!

Круминьш оттолкнул протянутую ему руку Силса и продолжал плыть в прежнем направлении.

— А ты не трус, — виновато проговорила Ирма. — Когда ты вылезешь, я тебя поцелую.

— Сначала тебе придётся его хорошенько выжать и просушить, — угрюмо сказал Мартын.

— Не беда, — заявила Ирма. — Такого можно поцеловать и мокрым.

Мартын с подчёркнутым пренебрежением повернул свою широченную спину плывущему Круминьшу. Потом вдруг подвинулся к Силсу, взял у него весло и принялся быстро грести, отгоняя лодку прочь от Круминьша.

— Что ты делаешь?! — крикнула Луиза, пытаясь отнять у Мартына весло. Она была слишком слаба, чтобы справиться с огромным парнем, однако всё-таки ему мешала. Движения Мартына стали неловкими — весло то чертило по воде, то погружалось в неё по самый валец. Мартын оттолкнул Луизу и сильно занёс

весло вперёд. Широкая лопатка прошла над самой головой Круминьша, едва не ударив его по затылку.

— Отбери же у него весло, Карлис! — закричала Луиза со слезами в голосе. — Он убьёт Эджина!.. Он его убьёт.

— Это было бы лучше всего! — вырвалось у Мартына.

Силс взялся за весла и продолжал держать лодку возле Круминьша, пока тот не нащупал ногами дно и не пошёл к берегу.

Костёр догорал. Расправленная на козелках одежда Круминьша подсыхала. А он лежал у огня в одних трусах и помешивал угли. Рядом с ним, на песке, забросив за голову короткие, сильные руки, вытянулся Силс. Остальные спали в палатке.

Продолжая, по-видимому, давно уже начатый разговор, Силс вполголоса говорил:

— ...Тебе теперь нравится Луиза! Это твоё дело. А я по-прежнему люблю Ингу.

— Как же ты можешь не порвать с нею, если ты здесь, а она там? — возразил Круминьш.

— Я должен быть с нею.

— Что значит «должен»? — нахмурившись, спросил Круминьш.

— Не знаю... Но так... должно быть... Мне не надо другую.

— Ты ответь мне ясно, — настаивал Круминьш, — что значит твоё «должен»?

— Ну что ты пристал?!

Силс не договорил и отвернулся. Круминьш придвинулся к нему и, повернув его за плечи лицом к себе, посмотрел ему в глаза.

— Что ты злишься? — спокойно спросил Круминьш.

— Я? — Силс пожал плечами. — Просто хочется тебе сказать: неприятно, когда ты... одним словом, когда вмешиваются в мои отношения с Ингой. Ведь я не касаюсь твоих дел с Луизой...

Круминьш испуганно оглянулся на палатку и приложил палец к губам. Ему вовсе не хотелось, чтобы этот разговор услышал Мартын, хотя Круминьш и не видел ничего предосудительного в том, что ему нравится Луиза. Если бы она была женой Мартына — другое дело. Тогда Круминьшу и в голову не пришло бы обнаружить своё чувство к ней. Да и она не стала бы слушать Круминьша. Он в этом уверен. Ну а то, что Мартына и Луизу считают женихом и невестой, вовсе ещё не означает, будто он, Круминьш, не может... не должен... Что в самом деле связывает его?... Мартын ему не друг, не приятель. Был бы на месте Мартына Карлис Силс — другое дело!.. Но ничего, кроме неприязни, Круминьш не чувствует к грубому верзиле и считает, что тот вовсе не пара такой девушке, как Луиза. Правда, Круминьшу передавали, будто Мартын как-то проговорился, что не простит Круминьшу, если тот отобьёт у «его невесту. Если это случится, говорил Мартын, — то он посчитает Круминьшу ребра. Наплевать, мол, Мартыну, на то, что с этим „опытно-показательным перебежчиком“ Эджином (так сказал Мартын) носятся как с писаной торбой! А самым лучшим, по словам Мартына, было бы, если б нашёлся „смелый и честный“ советский человек, который закончил бы с этим Круминьшем — ни богу свечка, ни черту кочерга!..

Да, так сказал Мартын. Это многие слышали.

Если после этого Круминьш счёл возможным плыть с ним в одной лодке, то